

Журнал Пионер

№5 за 1989 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №5 за 1989 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44196-4

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года и был посвящён В. И. Ленину. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44196-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАК

НАДО ЖИТЬ,

ЧТОБЫ ОКТЯБРЕНОК

ЕЛИСЕЙ АНДРЕЕВИЧ БАБЕНКО

НЕ РАСХОТЕЛ СТАТЬ ПИОНЕРОМ

На сборе отряда тебя выбрали вожатым октябрят. Ты и обрадовался — ну что ж, поиграть с малышами ты не прочь, и загордился — все-таки вон какое серьезное поручение, и растерялся немного — а как тебя встретят октябрята и что теперь с ними делать?

Не тушуйся. И для начала послушай несколько историй и несколько советов заместителя главного редактора журнала «Мурзилка» Ирины Семеновны ЗАРАХОВИЧ. А там и опыт придет.

О «ТЯПИЧНЫХ» ПОРУЧЕНИЯХ И ГРОМКИХ «МЕРОПРИЯТИЯХ»

Понятно, что ничью жизнь нельзя расчертить по клеточкам: вот эта — жизнь личная, эта — пионерская, эта — спортивная, или школьная, или семейная...

Если тебя больно задело слово, услышанное на сборе, — разве это не личное? Но сбор-то пионерский.

Если ты ждешь не дождешься заветной встречи с ребятами (и особенно с одним человеком), с которыми подружился летом в лагере — разве это не продолжение твоей летней пионерской жизни?

Так что границу провести очень трудно. Все переплетено в душе нашей, в отношениях.

И все-таки оттенки есть. Наверное, за кого и перед кем ты больше всего в ответе, это и есть главное в твоей жизни. Непонятно? Попробую объяснить.

Простить ли тебе обидчика, к примеру? Извиниться ли перед мамой? Признаться ли в своем первом чувстве? Это твое личное. Как душа подскажет, какой характер у тебя, воля...

Но отвечать тебе приходится не только перед собой и за себя. За отряд и перед отрядом. За класс и перед классом. За команду и перед ней. За малышей-октябрят, прямо глядя им в глаза.

Какая она — октябрятская жизнь? Не та, которая была задумана 65 лет назад, когда создавались самые первые октябрятские группы, когда пионеры

мастерили малышам самодельные картонные звездочки, обтянутые красным кумачом... Не та октябрятская жизнь, когда малыши буквально по пятам всюду следовали за пионерами. В поле — колоски собирать. В госпиталь к раненым — песней порадовать, стихи почитать, просто стакан воды подать, цветы поставить на тумбочки. Не про ту октябрятскую жизнь речь. Про нынешнюю.

...Передо мной письма октябрят, присланные в журнал «Мурзилка», анкеты последних двух лет. «Поручений у меня нет. У моей октябрятской группы флажка нет. Вожатые приходят к нам редко». И несмотря на все это, автор письма, октябренок, подлисавшийся Елисей Андреевич Бабенко, хочет быть пионером. В звездочке Светы Осиповой флажок, оказывается, был, но он «присваивался хорошему ученику или ученице». Прекрасное «изобретение»! Ничего не скажешь. А вот еще, мягко говоря, познатнее: «Мне дали поручение раздавать ребятам тряпки». Это сообщила Оля Фленова из Нефтекамска. Что за бред! — хочется воскликнуть. Но не в адрес Оли. Она прислала подробные, честные ответы. А в адрес тех октябрятских вожатых или других взрослых, которые это придумали. Ее тезка Оля из Камышина тоже сообщила, что ее поручение: «вымыть доску, подмести пол, поставить стулья на парту, поставить ровно парты, полить цветы». По силам ли маленькой девочке двигать, поднимать? Очень похожие «тряпичные» ответы мелькают из письма в письмо как под копирку. К этому сводится представление многих малышей о том, что им доверяет звездочка. Наконец попалось письмо. «Я библиотечарь и с удовольствием меняю книжки» (Де-

нис Голубенко.) Всего одно письмо из папки, где их 200. Небогато...

А в твоей группе и звездочке, дорогой вожатый, какая жизнь? Не в пересчете на общие слова: «Проводили то-то и то-то», а в измерении на жизнь каждого октябренька. Что он любит, умеет делать и что предложила ему звездочка? Может быть, выращивать цветы, носить корм кроликам, шить новые платья для кукол в детском саду, покупать хлеб и молоко для старого человека, а может быть, что-то совсем другое, но ясное, понятное, доброе, от чего и другим хорошо, и самому? Не изобретай поручение ради поручения. Посмотри, что в самой школе, в классе, вокруг нее, на улице, во дворе под силу маленьким. Подумай, что из ваших пионерских забот они могут делать вместе с вами, под вашим присмотром. Ведь как в многодетной семье: маленькие растут возле старших. Глядя на них, помогая им. Так и вы. Не сочиняйте громких планов, не городите

«мероприятий». Есть жизнь. И в ней рядом с вами есть малыши. Интересно вам — им тоже. Скучно и пусто у вас в отряде — и они это чувствуют.

КТО ЗАЩИТИТ ФИАЛКУ?

Несколько лет назад открылась в «Мурзилке» «секретная» страница. Кто хотел, мог спросить о самом сокровенном, подписавшись «по-волшебному». Обрадовались малыши. Обрушилась лавина вопросов, тайн, сокровенных желаний. Автор страницы художник и писатель Александр Семенов давал советы полуволшебные, полусерьезные, как и подобает младшему научному волшебнику института ребячьих проблем.

«Как сделать, чтобы учиться на одни пятерки? — Золушка».

«Что надо делать, чтоб научиться летать? — Царевна-Лебедь».

«Как стать волшебником? — Карлсон».

«Что нужно сделать, чтоб в школу не ходить, а все знать? — Оловянный солдатик».

«Я не хочу больше болеть. Но не знаю, как избавиться от простуд. И еще, что сделать, чтобы мою подружку не били за двойки, но они бывают редко, и заслушание? — Алая Роза и Фиалка».

«У меня есть котенок, а мама хочет его отдать. Как быть? — Алая Гвоздика».

«Мы собираем марки, фантики, артистов, наклейки. Подскажи, что собирать еще? — Черномор и братья».

«Есть ли волшебное средство, чтоб склеить мамину вазу, чтоб она не узнала и не кричала? — Дюймовочка».

Каждый раз, когда я возвращаюсь к этим вопросам, трудно остановиться, что-то отобрать, от чего-то отказаться. Дети поверили автору «секретной» страницы. Поверили в его существование и доброту, в его всемогущество, потому что в самой природе этого возраста — вера в сказку, в чудо.

Но речь не только об этом. Перечитайте вопросы и посмотрите, как нужна им, маленьким, ваша помощь, защита. Как ищут они понимания.

Кому доверяют малыши свой трепетный мир? Скорее вам, вожатым, чем людям старшим. Вы ближе им, чем взрослые, которые, увы, не всегда понимают маленьких, не всегда чутки к ним.

Постарайтесь подольше сберечь веру ваших октябрят в чудеса. Нет, нет, я не призываю говорить им неправду или приукрашивать жизнь. Но думаю, что в тот дом, где бьют Фиалку, могут однажды войти «витязи прекрасные», в латах и шлемах, и вручить торжественно матери этой девочки ультиматум. Помните шутовское предупреждение Тимура: «Кто Нюрку будет бить, тому худо будет жить»? Оно тоже из волшебной копилки.

Думаю, что можно «изобрести» вместе с теми, кто мечтает летать, волшебный шар или звездолет, и отправиться за моря, за океаны целым экипажем, пусть пока по карте, но с настоящими приключениями, вынужденной посадкой на таинственном острове, открытиями, чудесами.

Что стоит вам, старшим ребятам, «заколдовать» своих товарищей в добрых волшебников, в разных сказочных героев. Ведь советы живого Айболита или Мойдодыра, их письма, а то и просто прогулки с ними, спортивные игры куда лучше действуют, чем все обычные наставления о чистоте и гигиене. Дайте свободу фантазии. Где костюмы, грим, текст, который можно взять из любимых книг? Вы же все это можете. Но почему-то стесняетесь, что ли. Или традиции такой нет. Все на серьезе: беседы, проповеди, проработки. Это и вам самим надоело до смерти. И нам, взрослым. А маленькие такого просто не принимают. В прежние времена в народе, когда хотели кого-то проучить или кого-то прославить, целое представление устраивали. Тут и ряженые, и песни, и прибаутки. Вспомните хотя бы, как досталось гоголевскому Голове от сельских парубков. Там ведь тоже сплошные чудеса. Так что не обкрадывайте ни себя, ни малышей. Пусть на помощь вам придет сказка. Она и есть лучшая подсказка в работе с маленькими. Тогда все Золушки, Карлсоны, Алые Гвоздики поверят вам, как поверили когда-то младшему научному волшебнику института ребячьих проблем.

ВСЕ ЭТО ЮРКЕ ВДАЖЕ НЕ СНИЛОСЬ

Юрка был октябреньком. Мечтал стать пионером. Его не приняли.

У кого есть право так распорядиться его судьбой, у кого нет, этого он не знал.

Ему исполнилось всего девять лет.

Он даже не предполагал, что «быть или не быть» пионером, может решить только общий сбор отряда или дружины. Не слышал, что каждой звездочке полагается вожатый. Что у всей октябрятской группы бывает друг со множеством имен и множеством талантов — целый пионерский отряд. Когда все так, то в день сбора про октябренька говорят по справедливости. Кто пожурит, если есть за что. Кто похвалит, заступится. Но все по-доброму, потому что вожатые октябрят — друзья, а друзья разве дадут младших в обиду? Все это Юрке даже не снилось. Не было у него ни отряда — старшего брата, ни того сбора, где бы кто-то сказал: «Я знаю Юру. Я помогу ему. Он будет хорошим пионером».

А что же было?

Да то, что знакомо многим. Учительница называла

имена, октябрята голосовали, сами за себя. Сначала первая партия — отличники. Потом — хорошисты. Потом — у кого не блещут отметки. Юрка был как раз среди них. Но тут случилась неожиданность. Перечитывая домашнюю работу, за которую уже была поставлена отметка, он заметил пропущенные ошибки. Обрадовался, конечно, что сам у себя нашел,— и исправил...

Он ждал 9 мая. Его имени не называли. Ждал 19 мая. Все-таки день рождения пионерской организации! Про него снова забыли.

Прошел год, но отряду четвероклассников нет дела до Юрки. Забыли человека. Учительница теперь новая. Вожатых по-прежнему нет. А пионеры? Их не волнует, что там на душе у Юрки, как ему живется.

На том бы и закончилась эта правдивая и грустная история, если бы Юрка не оказался человеком нового времени. Он слышит, как люди свободно говорят и смело поступают, как ищут правду, борются за нее. Он тоже стал бороться! Как мог, как умел. Прислал письма в свой детский журнал. Не зря же на обложке написано «для октябрят».

В журнале он нашел друзей. Но жить ему пока легче не стало. Редко кто понимает, что человек в десять лет может сам отстаивать свои права. Демократично, открыто. Его готовы окрестить ябедой, жалобником. Заступиться по-прежнему некому.

Где же вы, Юркины вожатые? Где же вы, сотни и тысячи вожатых октябрят? Или забыли, как трудно приходилось вам самим два-три года назад? Или не знаете, как нужен маленькому старший друг? Или так рано очерствели ваши души? Верить

в это не хочется, потому что я знаю многих вожатых октябрят, дружу с ними. Это замечательные ребята. Сердечные, искренние.

Вот уже несколько лет на Дальнем Востоке во Всесоюзном пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Океан» проходят необычные смены. Там собираются пионеры, которые по-настоящему заботятся об октябрятах. Они не произносят громких слов о будущем пионерской организации. Они работают. Учатся в «Городе мастеров» разным ремеслам и премудростям, которые потом пригодятся для малышей. Устраивают пресс-конференции с опытными и знающими взрослыми. Задают по сто вопросов, от самых простых до самых заковыристых: «Можно ли повести октябрят в поход, если учитель «против», а родители и дети «за»?»

Расспрашивают, спорят, настаивают. И все — о своих малышах, все ради них...

Вот если бы в каждой дружине создать такое сообщество верных старших братьев и сестер. Называться оно может клуб, отряд, совет друзей октябрят, да как придумается, только бы цели были добрые, и собрать вместе тех, кому небезразлична судьба идущих за ними вслед. Не надо выбирать, назначать, а кликнуть клич: «Кто любит малышей, тот с нами!» Вначале таких ребят может быть лишь горсточка.

Но вот они в поход отправились — кто с нами? Вот гостей интересных пригласили — кто еще придет? Вот на лыжи встали — догоняйте! Волейбольную команду сколотили — кто сразится? И смотришь — вырастает их семья. Надо только начать, пока малыши еще хотят стать пионерами. Пока еще борются за это...

ОТ РЕДАКЦИИ:

Товарищи вожатые октябрят, с какими трудностями вы сталкиваетесь, что у вас не получается, какие вопросы возникают? Напишите нам, и на ваши письма ответят сотрудники и авторы журнала «Мурзилка». На конверте напишите: «ОКЯБРЯТА».

фотография А. КРУПНИКОВА

Михаил АКСЕНОВ

Быково

Гул несется от Быкова,
Где аэропорт.
И ко мне приходит снова
Сорок первый год.
Сорок первый год тяжелый,
Орудийный гром.
И пошла вся наша школа
На аэродром.
Мы сугробы разгребали.
Слышали слова:
Посмотри-ка, в том ангаре,
Видел я «Пе-2»!
Может, не «Пе-2», кто знает,
Но не в этом суть...
Дом

мальчишка
покидает,
Неба чтоб глотнуть!
Было так всегда от века.
— Помните?..

Икар!
А пока мы хлопья снега
Возим за ангар.

Пятнадцатилетние мальчишки

Неба синь мы в петлицах носили.
Каждый —
летчик!

Огонь на ремнях!
Вспомнил я нашу школу в Сибири,
Что стояла в тюменских лесах.
Вой на Волге!

Туда мы хотели,
Где земля пылала огнем.
По утрам мы на карту смотрели,
На крутой

сталинградский
излом!

...А над нами —
морозное небо
И луны золотое литье.
Еще тысяча

дней
до Победы,
Еще надо дойти до нее!

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Шел третий год войны...

И было людям не смешно, а грустно:
Не поднимая в клетках головы,
Осклизлую, лотматую капусту
Угрюмо ели заспанные львы.
Ах, этот дух ошпаренной капусты!..
Хрустящие, тугие кочаны..
Метались воаки. Ссорились мангусты.
Гиены плакали..
Шел третий год войны.

* * *

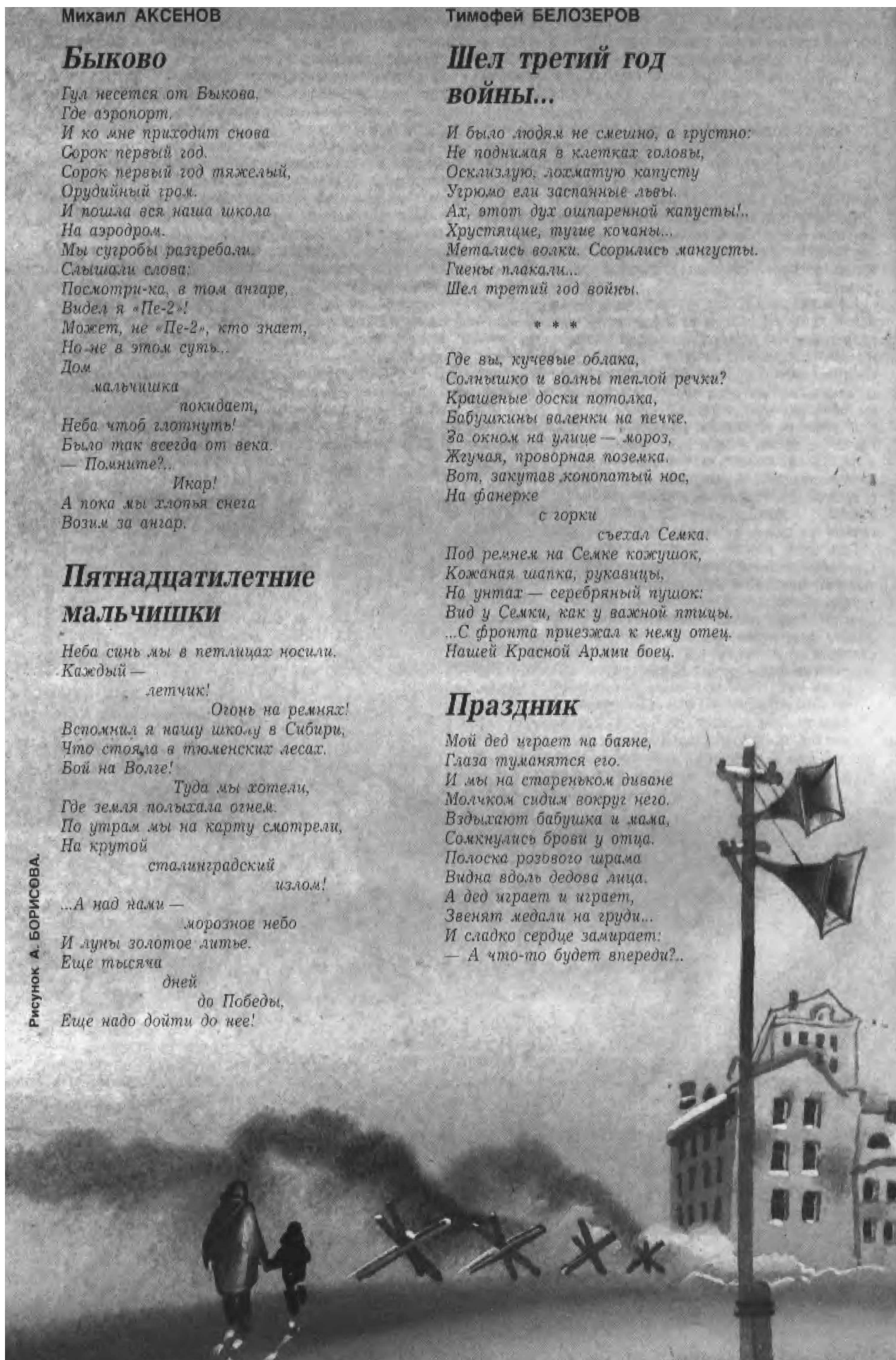
Где вы, кучевые облака,
Солнышко и волны теплой речки?
Крашеные доски потолка,
Бабушкины валенки на печке.
За окном на улице — мороз,
Жгучая, проворная поземка.
Вот, закутав конопатый нос,
На фанерке

с горки
съезжал Семка.
Под ремнем на Семке козушок,
Кожаная шапка, рукавицы,
На унтах — серебряный пушок:
Вид у Семки, как у важной птицы.
...С фронта приезжал к нему отец.
Нашей Красной Армии боец.

Праздник

Мой дед играет на баяне,
Глаза туманятся его.
И мы на стареньком диване
Молчком сидим вокруг него.
Вздыхают бабушка и мама,
Сожмулись брови у отца.
Полоска розового шрама
Видна вдоль дедова лица.
А дед играет и играет,
Звенят медали на груди..
И сладко сердце замирает:
— А что-то будет впереди?..

Рисунок А. БОРИСОВА.

Марк ВЕЙЦМАН

Шел наш спектакль...

Шел наш спектакль
в обычном ритме,
был барабан,
и горн трубил.
А я забыл,
что говорить мне,
но что мне делать,
не забыл.
Я молча шел лесной тропой,
встречал врага,
стрелял в упор.
И чтобы быть
самим собою,
совсем не нужен был
суфлер.
Мне текст забытый —
не простили,
но дело было на войне —
и зал,
когда меня убили,
заплакал все же
обо мне.

Колоски

Мы собирали колоски
В тяжелые корзины.
Кровь была в потные виски,
Деревенели спины.
...Идешь по глянцевой стерне
В опорках белоносых —
Зудят в горячей тишине
То паузы,
то осы.
Ах, этот колос налитой
Средь скошенной пшеницы! —
Такой пушистый, золотой,
Как перышко Жар-птицы!

* * *

Что запомнит наше детство,
То останется в наследство.
...Вот объездчик в белой кепке,
На кобыле вороной
По гороху, по сурепке
С плеткой гонится за мной.
Я уже и стар, и сед,
А ему и горя нет!

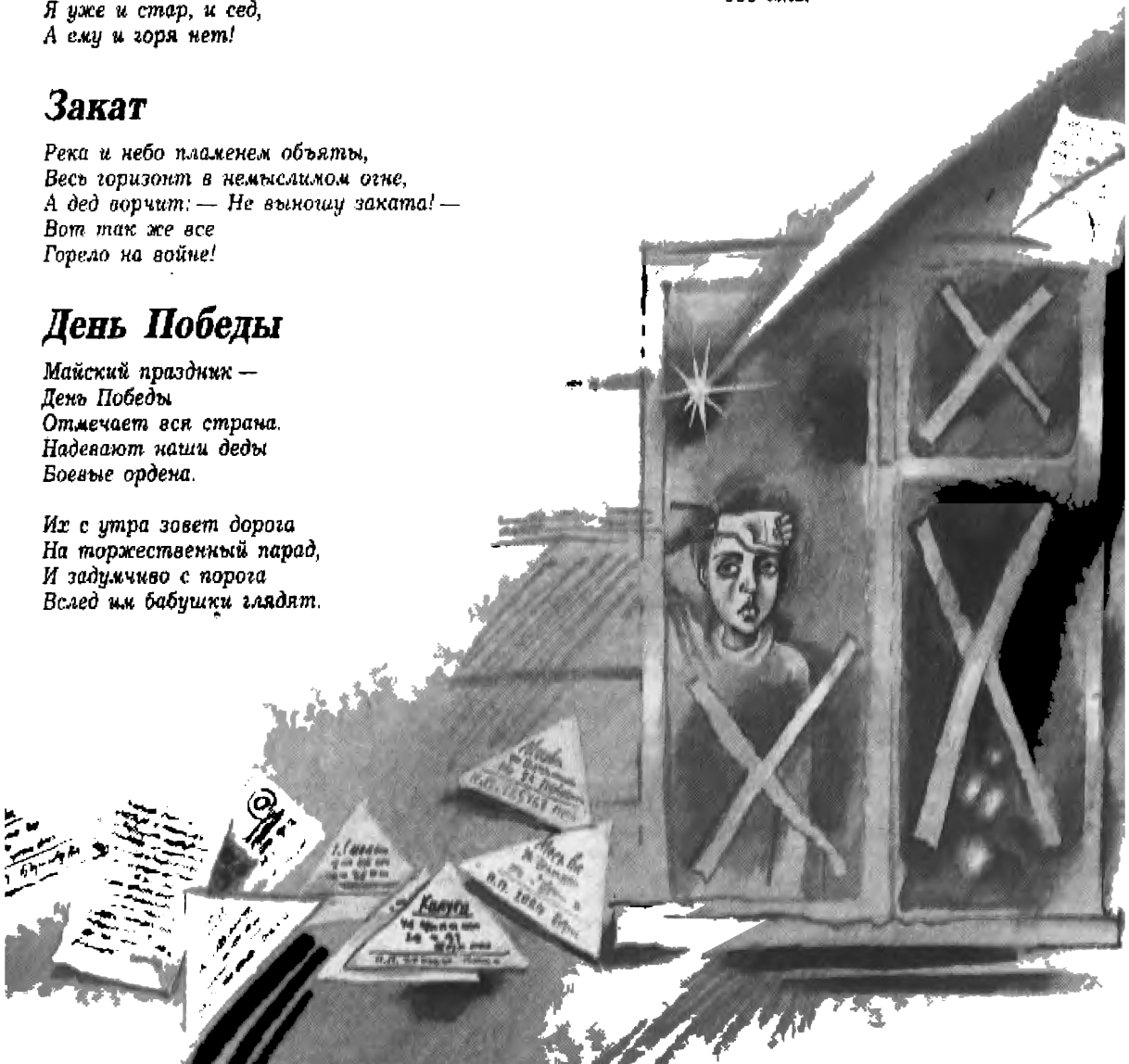
Закат

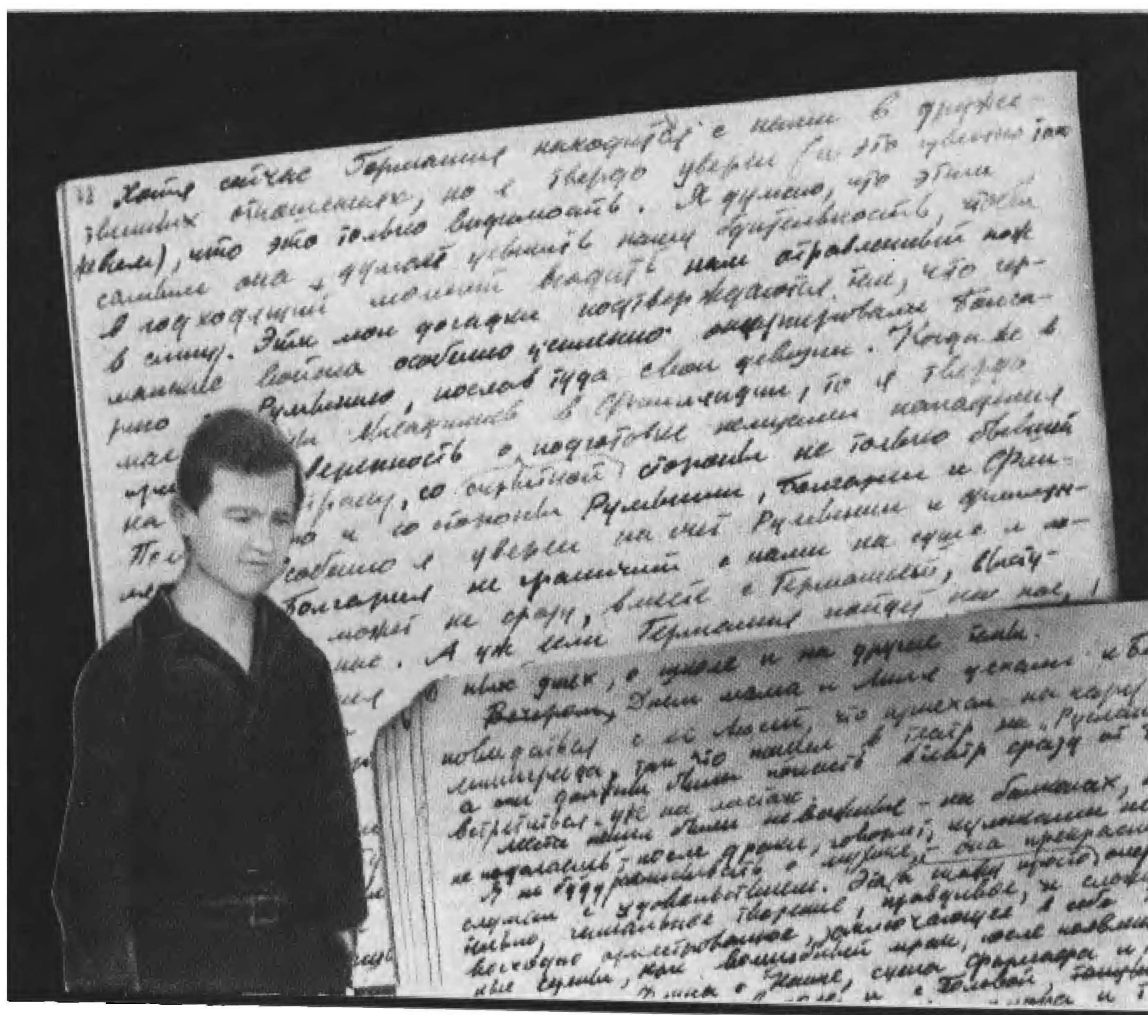
Река и небо пламенем объаты,
Весь горизонт в немислимом огне,
А дед ворчит: — Не выношу заката! —
Вот так же все
Горело на войне!

День Победы

Майский праздник —
День Победы
Отмечает вся страна.
Надевают наши деды
Боевые ордена.

Их с утра зовет дорога
На торжественный парад,
И задумчиво с порога
Вслед им бабушки глядят.

Отрывки из документальной книги рассказывают о жизни мальчишек 30-х годов. Герои книги живут в Москве, в доме на Берсеневской набережной. В этом огромном доме удивительные жильцы — маршалы, наркомы, старые большевики. Правда, дела взрослых почти не интересуют ребят, у которых свои заботы. Но есть среди этих ребят один — Лева Федотов, который много глубже своих друзей понимает происходящее вокруг, размышляет над увиденным и услышанным, анализирует прочитанное. Это все и позволяет ему в дневнике предсказать очень точно начало и ход войны с фашистами. Впрочем, об этом предсказании друзья погибшего Левы узнают только через много лет. А пока идет обычная жизнь, обычная школьная жизнь.

ОБЩИЕ ТЕТРАДИ

Михаил КОРШУНОВ
при участии
Виктории ТЕРЕХОВОЙ
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Окончание. Начало в № 4.

Надо сказать, что со школой у Левы отношения были не однозначными. Для него решающее значение имели компетентность учителя, его доброта и отзывчивость, уважение к ученику. Он восхищался такими учителями, как Василий Тихонович, Давид Яковлевич, о котором речь будет позже, и новый преподаватель математики Николай Иванович. Николай Иванович работал еще в техническом вузе. На уроках иногда забывал, что мы всего лишь школьники и начинал углубляться в дебри высшей

математики. И мы принимали это как должное.

Когда Вике пришлось кончать десятый класс в Чебоксарах, где она работала в госпитале, она ни разу не открыла учебник по математике. Благодаря Николаю Ивановичу ей хватило знаний на весь десятый класс.

...Нины Матвеевны уже и след простыл. Вместо нее к нам пришел новый преподаватель. Он был невысок ростом, весьма солиден по фигуре, с простодушным лицом, которое составляет прямой нос, спо-

кожные и милые небольшие глаза. Урок прошел очень интересно. Николай Иванович, видимо, прекрасно знал свой предмет. На геометрии он впервые выявил ряд наших дефектов. И оказалось, что мы ни черта не помним из прошлогоднего курса.

— Вот вам следы учения Нины Матвеевны, — заметил Мишка Королю и мне.

Николай Иванович сказал, что сначала он должен узнать, проверить нас, а потом уже приступить к курсу девятого класса. Он сравнивал нас с поездом, говоря, что перед тем, как пуститься в путь, следует осмотреть и отремонтировать все вагоны. А то, того и гляди, на половине пути полсостава трахнет под колес...

Если Левка кое-как прощал учителям малоопытность, как, например, Нине Матвеевне, недавно закончившей институт, то был совершенно непримирим к косности, равнодушию и формализму.

Учительница немецкого языка Елизавета Амфиловна «осталась такой же истеричной, крикливой, злобной и придирчивой бестией. А это нам доставляло мало радости», пишет Левка.

Учительница истории Костюкович. Поражала Левку ее способность начинать и кончать урок сразу, без всякого выражения, без всякого «состояния души»:

...Ее способ преподавания — это имена, даты и события. Войдя в класс, она без предисловий приступала к уроку. Рассказывала слабым, немного вялым голосом. Ехидина, и упорна, как стадо чертей. Если во время ее рассказа грянет звонок, она не продлевает урок, а кончает его на том же слове, на котором ее звонок застал. Бывает, что она из-за звонка прерывает свой рассказ где-нибудь на полуслове и даже не договаривает его, оставляет класс...

С добрым юмором относился Левка к преподавателю биологии Анне Васильевне, которая впервые познакомила нас с дарвиновским музеем, располагавшимся тогда на Малой Пироговке:

...Я зашел за Мишкой, и мы направились в школу, где встретили почти всех членов нашего класса. Дотянувшись пешком до трамвая, мы вползли в 40-й номер и вылезли на (в дневнике неразборчиво) станции. Гурьбой двинулись по какому-то захолустному переулку. Вечер был морозный, холодный, но, к счастью, неветренный, так что нам эта прогулка принесла только пользу. Крутились мы долго, пока не наткнулись влопых на заветное здание. И вот перед нами замелькали залы, лестницы, покрытые вековой пылью статуи, чудовища, зеркальные шкафы с чудесами природы и прочие предметы музея, вплоть до профессора, который прочитал нам в одном из залов обширную и завлекательную лекцию об эволюции. Это был солидный старичок, с длинными серыми волосами и с некрасивой узкой бородкой. Шутник он был большой, так что речь его была переполнена веселыми и истинно остроумными выражениями. Благодаря чему мы частенько растягивали рты до ушей...

Потом Левка узнает, что шутник-профессор, этот «чрезвычайно энергичный смертный», и создал дарвиновский музей.

А эта Левина шутливая запись о первой встрече с Анной Васильевной после каникул?

...Она помнила нас и по привычке произнесла несколько веских фраз, после которых мы не должны были, по ее мнению, плохо учиться и плохо вести себя в школе. А потом уже приступила к уроку...

Предельно критичным Левка был к предметам и программам, которые, как он считал, устарели,

отжили и которые попросту съедали время, отпущенное человеку на активную творческую деятельность. Левка не просто дорожил своим временем, а страстно дорожил, и негодование его было тоже страстным.

...Ведь сколько раз я сам должен был бросать интересующие меня занятия и дела, в которых я с упоением забывал все, в которых я вырастал, жил, чтобы тратить золотое время на надоедливые занятия, которые мне были совершенно не нужны. С какой жалостью и состраданием, взяв с сухими учебниками, я смотрел на свои остальные, жаждущие продолжения, любимые дела! Разве это образование? Разве при таком отношении к делу и при таком положении можно забрать хоть что-нибудь в голову?

Никогда! Это — тюрьма!!!

Левка ставит три восклицательных знака. И еще — обратите внимание на то, что слово «тюрьма» у Левы — это предел всему: ненужная одежда, ненужные схоластические занятия, бездеятельность, бездуховность.

Читая теперь Левины записи о школе, о преподавании в ней, мы поражаемся — как же все современно. Нынешняя школьная реформа, преобразование учебного процесса, продиктованные временем, — Левины строки, почти полувековой давности, они ведь об этом!

...Нужно знать многое. Но если эти знания до самой смерти твоей не дадут тебе ничего полезного и не смогут быть помощью твоему основному делу, то они тогда и не нужны!!! Но знать только для того, чтобы держать груз в голове, как пустой балласт, а не иметь возможность применять его — это рабское, тупое преклонение перед наукой. Зачем же тогда человечество имеет лозунг — без практики наука не существует! В школе мы больше получаем такие знания, которые без практики в жизни все равно забываются, а, следовательно, большая часть времени проходит зря... А ведь если бы в школах было все целесообразно и соответствовало здравому изучению только необходимых занятий для всех, а потом изучение нужных и полезных знаний для каждого в отдельности ученика, в связи с его склонностями и взглядами на научную работу... взглядами на будущее и здравому интересу... то разве приходилось бы учителям ставить плохие отметки и драить горло на баловавшихся воспитанников? Не все зависит от учеников, кое-что зависит и от самого построения учебы в школе!..

Я не знаю, смог ли я быть отличным учеником, если бы захотел, или нет. Это решать не берусь, так как свои силы в школьных рамках я никогда еще по-настоящему не пробовав. Я за разносторонние знания только в том случае, когда из всех их можно извлечь пользу, когда они по крайней мере дополняют друг друга и взаимно помогают. Видимые же разносторонние знания, без применения и пользы от них, это не знания, а... пустота!

«...Меня часто спрашивают, — писал Левка в другом месте, — ради какого дьявола я не отличник?»

Спрашивали не мы. Потому что среди нас четверых — Левка, Юра Трифонов, Олег и я — отличников не было. Никто из нас не стремился к этому. И лучше всех это объяснил Левка: «Раз я критически отношусь к построению учебы в школе, то я и не стремлюсь быть отличником, так как школа не идеал мой и быть отличником не моя гордость и не мое удовлетворение».

Все верно. Нас не все занятия в школе захватыва-

ли, чаще — оставляли равнодушными. Какие и по каким причинам, вы уже знаете.

«Я удовлетворен лишь тогда, когда в своих внешкольных делах я достигаю каких-нибудь желаемых успехов», — подвел свой итог Лева. Вторым по достижению «желаемых успехов» оказался Юра, когда занялся писательской работой всерьез. Третьим — я, когда с 3-го курса Института международных отношений перешел в Литературный институт. И начал все заново и тоже всерьез. Олег Сальковский, автор нескольких книг по своей экономической науке и множества статей в центральных газетах и журналах: и он, хотя и позже нас всех, но тоже взялся за перо. Книжки Олега стоят у нас с Викой на полке, Юрины книги стоят, и хранится переснятый из журнала «Пионер» за 1938 год листок с единственной публикацией Левы. Все мы опять «соединились» — все четверо. Но теперь с нами и Вика. Между прочим, отличница...

Здесь необходимо рассказать еще об одном, любимом нами, учителе иного толка, иных методов преподавания и общения с нами — это Давид Яковлевич Райхин («Додик-литератор, гений и новатор», как называл его кто-то из школьных поэтов). Он вел литературу и попутно занимался с нами русским языком. Как говорится, по доброй воле. Давид Яковлевич не терпел безграмотности. Если после очередного сочинения мы в очередной раз демонстрировали изумляющее человечество «грамматическое бескультурье», он обрушивал на нас серию совершенно бесчеловечных диктантов. Оставался заниматься с нами дополнительно.

Мы с Олегом частенько отсиживали дополнительные «русские уроки». Осень, за окном смеркается, все грамотные давно уже дома, а мы, безграмотные, всё сидим в классе и сражаемся с причастными и деепричастными оборотами, двойными согласными, неударными гласными, чередованиями и окончаниями. Что мы! Левка попадался! Пока не приступил к систематическому переписыванию не более и не менее как «Войны и мира», чтобы окончательно покончить с безграмотностью и чтобы выработать стиль, образность, художественность.

Левка переписывал Толстого день за днем. Это же Левка! И день ото дня рос Левин талант писателя. Из точных и определенных слов Лева добывал более широкий смысл. Качество работы выступало как подлинная художественность. Мысль его шла уже ровным и абсолютно устойчивым потоком. Все и во всем находило свои правомочные места — диалоги, описания природы, юмор, ирония, философские размышления, какие-нибудь напоминания или воспоминания; обращения к «дорогому читателю». Возрастала культура языка, слова, фразы.

Если с Толстым он сражался, упорно переписывая страницу за страницей, то с Гоголем он отдыхал и перешучивался. Гоголь пребывал у Левы в большой чести. Левка с удовольствием пользовался словами гоголевского Ноздрева: «А ты фитюк, братец!», «Ну и скалдырник же ты, как я погляжу!» Произносил с улыбкой и немного протяжно. Зять Мижуев тоже попал под Левину внимание: «Раззятился, как Мижуев!» — почему-то означало, что ты оказал кому-то из девочек особое внимание или даже послал «ЛОТ»: на листке бумаги рисовалось красивое сплетение этих букв, начальных в словах «люблю очень тебя». Зина Таранова рассказала нам, что однажды Левка и Юрка Трифонов подошли к ней, как к старосте, и заявили, что никогда не женятся, потому что глав-

ное в жизни — работа, творчество. Юра к тому времени уже решил стать писателем, не без влияния Левы, конечно.

Мы с Викторией недавно вспомнили, как Роза Смушкевич мечтала найти радиолу, под которую мы когда-то, во времена ЛОТов, танцевали. Первая радиола-автомат, которая сама меняла пластинки. Таких радиол в доме было две — у Павлушки, это у Бориса Павлова, и у Розки. Герои Испании летчик Смушкевич и танкист Павлов получили радиолы в подарок. Павлушкина радиола уехала в Минск, когда в Минск с родными уехал и Павлушка. Розкина во время войны была сдана в комендатуру, как была сдана вся радиоаппаратура. После возвращения в Москву Роза хотела радиолу найти, как воспоминание об отце и в память о детстве...

И если уже разговор зашел о танцах, то квартира, где жила Роза, была окнами в средний, Левкин, двор. Имелся и балкон. Мы танцевали летом. Ребята выходили на балкон передохнуть. Я не выходил: боялся, что меня из своего окна заметит Левка, и я буду строго осужден: трата времени, и на что! На танцы! Левка экономил время даже на еде, а тут... Сказано ведь любимым Верди — к будущему нужно устремиться немедленно, не теряя ни минуты. А тут — танцы. Канальство!

Балконные двери открыты, и окна Розкиной квартиры тоже открыты. Светится шелковый абажур-шар и шелковым голосом поет модный в ту пору певец Вадим Козин свои приморские танго. Под эти танго в счастливые летние вечера мы и постигали основы танцев и необходимых при этом почтительных бесед. Первенствовали и в том и в другом девочки. В особенности Розка, как обладательница почти безостановочной радиолы. Так что в ее квартире нас, не переставая, томил Вадим Козин, суровый капитан, полюбивший девушку из маленькой таверны, эмигрант Петр Лещенко и некий Джон Грей — большой повеса... Девочки увлекались платьями с «басочками». «Басочки» — влияние событий в Испании. А вообще наши девочки одевались настолько просто, что Галка Иванова, например, носила юбки, перешитые из брюк ее братьев, а ботинки донашивала младшего из них — Анатолия. Правда, была у нее гордость — кофта с жабо, но... с чернильными пятнами.

Как это Роза не угодила в Левин дневник вместе с радиолой и танцами! Сама-то Роза угодила. Собственно, дневник и обрывается 23 июля 1941 года на записи о том, как мы трое — Лева, я и Роза — сидим во дворе нашего дома в ожидании очередного налета фашистских самолетов на Москву. Больше к дневнику Лева не прикасался.

...Мы присели на лавку, не зная, на что убить время. Возле нас колопились малыши, которые чего-то соорудили из богатства песочной горы.

— Подождем тревогу здесь! — сказал Михикус.

— Да почему ты уверен так в ней? — сказала наша собеседница.

— Наивное дитё! — усмехнулся Мишка. — Вот когда полтоны металла трахнут тебе на голову из немецкого самолета, тогда вспомнишь мои слова.

— А как ты думаешь, будет тревога? — спросила испуганная Розалия меня.

— Будет, — ответил я. — Можешь быть совершенно спокойной. Не только тревога, но и налет также неминуем...

Это и есть самые последние слова Левы, в самой последней тетради его дневников...

Ребята из 19-й школы и не подозревали, что здание, в котором они учатся, было когда-то зданием Мариинского училища, а одним из преподавателей там был Сергей Рахманинов. Но дух музыки жил в школе. Играть на рояле, петь умели многие. А Лева Федотов был отменным музыкантом. Любимая его опера, «Аида» Верди, сопровождала его везде и всегда; он мог воспроизвести на память любой ее фрагмент; на память же однажды Лева сделал запись партитуры «Аиды». Потом оказалось, что она точно совпадает с авторской.

По сути, Левка был человеком очень застенчивым, зажатым. Любая обширность общения, принародность, что ли, отпугивали его, замыкали. Он раскрывался в дневнике и среди друзей и делал это в полный объем своего характера. А «на людях», в классе даже, часто страдал от этой вот застенчивости, зажатости, что, без сомнения, понимал и Давид Яковлевич.

И вот теперь вернемся к Левке и к Давиду Яковлевичу, к тому, что однажды произошло у нас в классе 21 декабря 1940 года и позже.

...Сегодняшний день был для меня одним из самых тяжелых и страшных, которые я только переживал на своем пути. К несчастью, то, что привело меня в неопределимо тревожное состояние, еще не окончилось. У меня даже нет особого желания и рассказывать об этом много. Дело началось с урока литературы — Давид Яковлевич выбрал меня, чтобы я читал в классе роль Кулигина в «Грозе» Островского. Я напрямик отказался, тем более что с роли Кулигина и начинается пьеса. Для меня это было непростой работой, потому что, когда я выступаю перед многими, у меня отнимается язык, я теряюсь и не могу выдавить из себя ни одного слова. Учитель сказал, что если через две минуты я не начну читать, он уйдет из класса.

Я хотел было начать, но не имел силы воли открыть рот. Что я мог сделать с этой слабостью? (Вот вам Левка. Вот вам джиу-джитсу, напряженные скулы и сжатые кулаки и при этом полная обнаженность, ранимость, незащищенность. — М. К.) Давид Яковлевич покинул класс. Я был полностью уничтожен. Потом я узнал, что он отказывается от нашего класса. Я знал, что Давид Яковлевич потому так упорно добивался моего выступления, так как думал, что я из-за гордости упрямствовал. (На этот раз Левка ошибался — Давид Яковлевич боролся за него самого. — М. К.) А зачем мне это? К чему мне эта гордость? Я был самым несчастным человеком. Из-за меня класс лишился лучшего преподавателя. Но я знал, что никакого преступления в моем отказе нет, что я просто не мог побороть свою моральную слабость. Что не упорствовал из-за какого-то дурацкого принципа, который мне совершенно не был нужен. Я не могу выступать, я теряюсь, меня смущает и сковывает мысль о том, что множество людей тарачат на меня свои зрочки!

Отыскав Давида Яковлевича в школе, я постарался объяснить ему причину моего молчания. Он серьезно отнесся к моим словам и убедительно просил меня понять, что он не мог оставить меня в стороне, что он не мог махнуть на меня рукой и просто напросто передать роль другому. Нас прервал звонок. И я вернулся домой. Я ругал и проклинал себя на чем свет стоит, но я был несчастен, как никогда. (Давид Яковлевич сказал нам с Викой уже теперь, что он прочел Левин дневник и, конечно, он прочел про все эти Левины страдания. Но что делать — таким был наш воспитатель по литературе. И таким мы его и любили. — М. К.) Я был растерян, расстроен, мне нужно было отправляться к Модесту Николаевичу, а затем — к Виоле. У меня трещала голова от всего этого. Я не знал, что мне делать.

Я встретил на улице Мишку, который мне сказал, что Давид Яковлевич не придет в наш класс, пока я не начну читать. Он слышал, как об этом говорят.

— Вся школа уже об этом знает, — сказал Стихи-

ус весело. — О тебе, братец, говорит вся Европа. Гордись.

Я уныло слушал эти слова — гордись! А чем? К чему мне это все!..

23 декабря.

Сегодня я чувствовал себя на уроках, как не в своей тарелке. Николай Иванович спросил меня по геометрии. Я стоял у доски как дурак и ни на что не мог ответить. Я ощущал такую душевную и физическую слабость, что считал себя счастливейшим человеком, когда получил «плохо», но зато сел на место. Потом я осознал уже и чудовищность этой отметки, которую я заработал перед самым Ленинградом, перед концом четверти. И я решил во что бы то ни стало исправить ее. После уроков я договорился с Давидом Яковлевичем, что, ввиду его надежды на мое удачное исправление роли, попробую прочесть. Он сказал, что придет на урок. Я наконец-то успокоился...

Бедняга Левка. Как же он исстрадался из-за этого Кулигина. Мне Левку сейчас так жаль, как будто бы все вернулось и вновь повторяется. А я его тогда весело утешал «всею Европой» и других слов у меня не нашлось.

25 декабря

...Придя сегодня в школу, я первым делом поставился устроить так, чтобы Давид Яковлевич во что бы то ни стало явился к нам на урок. Давид Яковлевич спрашивал как ни в чем не бывало, — все сгруппировались у доски и я, поборов самого себя, приступил к чтению. Потом я освоился, и все пошло благополучно. По крайней мере я остался рад, что все так хорошо кончилось...

На следующий день в комсомольской комнате Левка будет рисовать новогоднюю стенгазету. Нарисует две улыбающиеся рожи, потом уже под самый Новый год уедет в свой любимый Ленинград. И будет счастлив там, как никогда!

А в начале июня 1941 года сделает в дневнике еще одну запись о Давиде Яковлевиче. То был день начала устного экзамена по литературе. Когда мы все, еле дыша, водрузились за парты, в ожидании (боже мой) вызова к столу, вошедший Давид Яковлевич подшутил: «Ну, грешники, — сказал он, мило улыбаясь, — пока все еще живы, затягивайте молитву! И молитва для вас есть подходящая: пронеси, господи, гнев царя Давида и даруй нам всю кротость его!.. Начинайте, смертные!» И смертные начали, заголосили, чем привели в некоторое замешательство любимого учителя. Открылась дверь в класс, и дежурный по школе поинтересовался: «У вас что здесь?» «Молебствие», — серьезно ответил Витаська Бойко...

Рояль Рахманинова

Я был поражен, и Вика была поражена, и Салик — в актовом зале школы, на той самой сцене, на которой проходили школьные выступления, на том самом рояле, на котором часто играли наши ребята, играл... Сергей Васильевич Рахманинов, один из величайших композиторов XX века, прекрасный пианист.

Рахманинов был преподавателем музыки в московском Мариинском училище дамского попечительства. Так когда-то называлась наша 19-я школа. Вот откуда сохранившиеся огромные старинные зеркала, пальмы в кадках. Высокие белые двери с большими стеклами и выпуклым орнаментом. В коридо-